

АНТРОПОЛОГИЯ

Признание

– выражение смысла
отношения человека к человеку

М.А. Малышев

«Что «ад – это другие» не означает, что «рай – это я». Если другие служат инструментом наших мук, то это потому, что без них наше спасение было бы невозможным. Мы с ними так перемешены, что нуждаемся друг в друге, чтобы навести какой-то порядок этом хаосе».

Морис Мерло-Понти

Признание – основа смысла жизни

Что случилось бы с нами, если однажды мы утратили бы представления о собственной ценности, лишились бы идеи о том, что мы что-то значим в этой жизни и потеряли бы надежду на то, что наше имя, возможно, оставит какой-то след в памяти потомков после нашего ухода в небытие. Можно предположить, что наше существование лишилось бы важных стимулов или вообще утратило бы всякий смысл, если бы желание отличиться, выделиться, ощутить собственную ценность, заслужить уважение или просто быть полезным другим людям время от времени не появлялась бы в нашем сознании и не проходила бы через наши чувства. Разве можно назвать «жизнью» монотонное существование человека у которого нет никаких желаний, кому никто не кажется важным, и кто сам считает себя никому не нужным. Разумеется, что в

определенных ситуациях мы ощущаем недостаток в признании, которого, по нашему мнению, по праву заслуживаем. Но полное отсутствие представления о собственной значимости, равно как и абсолютный дефицит признания со стороны наших ближних лишили бы нас возможности думать о завтрашнем дне, превратив нас в жертву смутного безразличия или в заложника парализующей волю идеи абсурда. Следовательно, чтобы наполнить наше существование смыслом, мы должны стремиться заслужить признания других и в свою очередь сознавать свою полезность для них.

Как известно, человек является единственным существом, способным вопрошать о смысле своего существования: для чего он находится в этом мире, и в чем заключается значимость его личности? Слово «смысл» выражает то, ради чего человек живет, что позволяет ему оправдывать свои действия, равно как и усилия, затрачиваемые им на их осуществление. Поэтому, когда мы ведем себя определенным образом, то, тем самым, намеренно или ненамеренно, раскрываем основание того, почему мы поступаем так, а не иначе, и это выражает смысла того, что мы делаем и что собой представляем. Признание смысла сообщает действиям человека значимость, образуя ядро чувства его достоинства. Следовательно, проблема

смысла жизни и достоинства человека имеют общую предпосылку - *признание*: каждый из нас хотел бы располагать определенными целями, задающими ориентиры нашему существованию, равно как и определенными ценностями, разделяемые другими и оправдывающими смысл нашего бытия. В стремлении обрести себе признание скрывается отвержение человеком равнодушия и апатии, так как именно отличие есть то, что признание предполагает, требует и утверждает. Желание быть кем-то, т.е., быть признанным, если и не исчерпывает собой жизни, то, несомненно, составляет её неотъемлемую часть. Это желание может принять форму чувства хорошо выполненного долга, спасения за гробом, стремления обрести славу или просто сознания удовлетворения собственной неповторимостью, утешения в том, что факт нашего бытия в этом мире не может быть ни стерт, ни отменен никакими последующими событиями. Человек не просто живет (жизненные интересы смертных, вопреки мнению биосоциологов, не сводятся лишь к обеспечению стратегии, направленной на физическое выживание), а сознает себя живущим, что означает сопротивление тенденции к забвению, а следовательно, и утверждение им собственной значимости среди себе подобных. Сознание в качестве своего неотъемлемого компонента включает самосознание, социальная функция которого заключается в том, что его носитель склонен сравнивать себя с другими, акцентировать свое отличие от них, чтобы полнее и глубже уяснить себе смысл своей радикально-неповторимой идентичности. «Я существую, следовательно, я отличаюсь от других». Формула самосознания Декарта — «я мыслю, следовательно, я существую» — в полной мере не выражает требования суверенности субъекта мысли. В своем мышлении я, разумеется, могу быть уверенным в достоверности собственного существования, но то, что я представляю собой на деле, я могу

сознавать только на путях сравнения себя с другими. Причем это сравнение не есть простое сознание моего, если так можно выразиться, «пространственно-временного» отличия от других, а сознание моего существенного, коренного от них отличия, которое и образует фундамент моего достоинства как радикально-неповторимой личности.

Жизнь в подлинном смысле этого слова начинается тогда, когда происходит событие, которое имеет для нас какое-либо значение, и которое в свою очередь опирается на признание, сообщаемое нам другими. Потребность в признании является неотъемлемым атрибутом, конституирующим общественную жизнь человека: хотеть быть признанным — значит хотеть быть кем-то, и не просто кем-то, а в большинстве случаев — кем-то лучшим и более значимым, чем раньше. Мы в полной мере начинаем осознать себя тогда, когда располагаем признанием того, кем мы являемся, что в свою очередь невозможно без оценки нас другими. Признание, как надежда обрести или повысить собственную значимость в будущем, в какой-то мере примиряет человека со временем, — угрожающим ему абсолютным забвением —, и вместе с тем оно демонстрирует, что в каждом из нас скрыты определенные потенции, которые мы должны освободить из плена собственной инерции и равнодушия.

Но из этой «страсти к отличию», которое заключает в себе признание, произрастает угроза миру и спокойствию человека в его отношении к другому человеку: ведь притязание на отличие от другого всегда чревато потенциальной конфликтом и враждой. Это неумеренно-страстное стремление человека к утверждению своего отличия от другого Платон называл «тимосом». Последний проявляется в действиях, направленных на достижение превосходства над другими. Наши душевные силы побуждают нашу волю к установлению диктата над волей других лиц, искушая и подстрекая нашу гордость стать

господином над ними. С точки зрения Платона, «тимос» стремится не столько к самосохранению, сколько к возвышению над другими, что и порождает борьбу за признание, которая подвергает смертельному риску самих этих носителей «страсти к отличию». В последствии Гегель положил борьбу за признание в основу своего истолкования динамики исторического процесса. И, что примечательно, источник последней, по его мнению, находится не в дикой природе человека, а в сущности духа. Вопрос, следовательно, заключается в том как канализировать энергию «тимоса», которая, будучи организованной и направленной, способна задавать импульс общественному развитию а, будучи неупорядоченной, провоцирует анархию власти, сеет раздор, разжигает конфликты и воспламеняет иррациональные страсти.

Человек, утративший сознание собственной значимости, -- это индивид, чья жизнь лишена смысла. Если бы не существовало признания, то исчезли бы стимулы, побуждающие нас к реализации собственных способностей, стремления достичь успеха, снискать известность, заслужить славу или просто быть полезным своему ближнему. Возможно, что тогда исчезла бы алчность, ревность, зависть, злоба, высокомерие и тщеславие; но можно ли, изъяв из жизни человека стремление быть признанным, одновременно сделать её деятельной, творческой, интенсивной и возвышенной? Можно ли создать такую жизнеспособную социальную систему, члены которой были бы лишены стремления выделиться и отличиться? Или напротив, социальную систему, в которой каждый человек мог бы беспрепятственно возвышать ценность своего бытия, не навязывая при этом своей воли другому и не унижаясь перед его притязанием быть в свою очередь признанным? В горизонте ближайшего будущего весьма трудно дать положительный ответ на этот вопрос, однако мы можем утверждать, не

слишком боясь ошибиться, что если бы мы подавили в себе желание быть кем-то во мнении других, если бы мы отреклись от стремления быть принятыми ими во внимание, то, может быть, мы и продолжали бы жить, но суждения и оценки наших ближних утратили бы для нас всякую мотивирующую силу, и мы, скорее всего, превратились бы в безродных одиночек, влачащих жалкое существование без всякой цели и смысла. Отсюда следует, что именно признание делает из человека *общественного человека*. Стремление быть признанным обретается в каждом из нас, если не как исступленная одержимость, то, как естественная предрасположенность, которую можно акцентировать или приглушать, но которую нельзя полностью вытеснить или подавить. Не существует такого человека, который не чувствовал бы себя возвышенным и облагороженным тогда, когда его достижения приобретают статус *общественное признание*. Признать заслуги человека - значит вдохнуть в него новую жизнь.

Стремление быть признанным имеет своей предпосылкой притязание на незаместимое значение субъекта, который утверждает во взаимодействии с другими свое право на легитимацию своих достижений. Каким бы оригинальным ни был субъект, его заслуги должны быть признанными другими, ибо абсолютное отличие его достижений от критериев оценок, которыми руководствуются другие, может поставить его вне всякой коммуникации, а стало быть, сделать невозможным признание его права на подтверждение своей значимости с их стороны. Когда кто-то делает что-то, что отличает его от других, то он претендует на равенство с ними или пытается превзойти их в каком-либо отношении. Если бы мы были не в состоянии продемонстрировать свои заслуги перед другими, и если бы они, в свою очередь, не могли бы оценивать наши достижения, то нам было бы невозможно рассчитывать на их признание. Каким бы

скромным ни был автор, он не может существовать без своей публики; возможно, что эта «публика» принадлежит к будущему, но она не может не «существовать», по крайней мере в воображении своего автора.

Признание есть то, что задает смысл цели, и осуществление последней оправдывает доверие, возлагаемое на человека, который стремится заслужить внимание других. Признание – это реализация обещания насчет способностей, навыков, умений и талантов его носителя, который готов подтвердить их сегодня, ибо вчера он их уже подтвердил. В этом смысле «признание» – это не приобретение нового знания или неизвестного сведения, а скорее – открытие нового измерения внутри уже существующего знания. Значение этого измерения состоит в «легитимации» однажды случившегося, с целью воскрешать его в памяти и возвышать его смысл. Признание предполагает нисхождение в прошлое человека, выявление и оценку его заслуг и возведение их в ранг общественно-законных. Личность, которой мы выражаем свое признание, – это тот человек, кого мы не только как минимум во второй раз воскрешаем в своей памяти, но и кого мы наделяем определенным значением для нас. Понимание и оценка значения его действий конституирует смысл его признания.

Признание – это субстантивация случившегося вопреки необратимости времени. То, что однажды с нами произошло, мы не можем вновь в точности повторить в силу необратимости момента, безвозвратно ушедшего в прошлое. Но мы были его участниками или свидетелями; и хотя мы не в состоянии вернуть ушедшего, мы можем воскресить его в нашей памяти, т.е., признать факт его бытия. Стало быть, признание можно рассматривать как средство борьбы против необратимости длительности: ведь со временем красота увядает, талант притупляется, а ясность ума меркнет.

Разумеется, что признание не может преодолеть необратимости времени, но оно может заставить прошлое «воскреснуть» в настоящем. Причем признание – это не просто мысленное воспроизведение какого-либо деяния в прошлом, а воспроизведение его как *действия значимого*, которое представляет для нас определенную ценность. Только произнеся фразу, которую мы собирались произнести, мы признаем себя в качестве того, кто её высказал; только сделав то, что мы собирались сделать, мы полностью отдаем себе отчет в сделанном. Поэтому правонарушитель, совершивший преступление, часто постигает смысл им содеянного, только осознав факт необратимости своего поступка, который только тогда и предстает перед ним в своей неприкрытой и ужасной наготе.

Заслужить признание – это значит в какой-то форме предвосхитить будущее. Однако как бы мы тщательно его не учитывали, оно так или иначе всегда будет немного отличаться от предвидимого, и это «немногое» и есть то, что обогащает наш опыт. Признание – это точка, находящаяся между прошлым и будущим, подобная полуденному солнцу, удалённому на равное расстояние как от восхода, так и от заката. Подобно солнцу в зените человек, наделяемый общественным признанием, располагается между двумя полюсами – будущим и прошлым: он стремится в будущее, чтобы умножить свои заслуги и опирается на прошлое, чтобы оправдывать свои достижения. Чтобы удержаться на гребне собственной значимости, он должен постоянно подтверждать преемственность между своим прошлым и будущим, между тем, кем он себя воспринимает и тем, чего ждут от него другие. Сделать то, что от тебя ожидают, подтвердить обещанное – именно в этом состоит значение термина «признание», ибо повторение есть подтверждение того, что ожидаемое должно свершиться. Признание принимает в расчет будущее, но не как простое повторение прошлого,

а как чреватое скрытыми возможностями, а, стало быть, и не всегда в достаточной мере предвидимое. Чтобы находиться на высоте признания, его носитель должен быть предусмотрительным: постоянно обогащать свой опыт и укреплять благоприятное мнение других относительно достоинства своей личности. Когда нам приписывают высокие качества, то что-то должно говорить изнутри нашему сознанию: «за работу, не расслабляйся, не останавливайся на достигнутом, ибо в противном случае тебе грозит потеря доверия». Действительно, если по каким-либо причинам обещание не выполняется, то признание ставится под сомнение или отнимается у его носителя. Может быть поэтому в переживании признания, которым нас наделяют другие, наряду с радостью торжества иногда присутствует и некоторая доля смущения, ибо, когда мы не очень уверены в собственных силах и боимся опуститься ниже того, чего от нас ожидают другие, то мы заранее предвосхищаем стыд, который и побуждает нас не отступать, а прилагать максимум усилий для того, чтобы удержаться на высоте однажды завоеванного. Когда мы опускаемся ниже этого уровня, то заранее предвидим разочарование, вызванное обманом, связанным с ожиданием от нас адекватных действий. В этом смысле признание - это взыскательный страж границ нашей идентичности, который вселяет в нас уверенность и не позволяет нам отступать от ранее завоеванных рубежей. Чтобы эффективнее осуществлять свое призвание, нам необходимо ощущать на своем плече твердую руку поддержки *общественного признания*. Перефразируя Ницше, мы можем сказать, что признание придает становлению незрелой личности прочность и основательность бытия личности умудренной жизненным опытом. Накопленный капитал признания ободряет нас, придает нам уверенность, и как бы говорит нам: «ты способен пойти

дальше уже достигнутого или, по крайней мере, не растерять однажды завоеванное». Кроме того, общественное признание, содействуя повышению собственной значимости человека, как правило, увеличивает его благожелательность по отношению к другому, ибо ободренный собственными достижениями он редко выступает в роли завистника или нетерпимого моралиста - обличителя чужих пороков.

Если бы мы захотели стереть то, кем мы были в прошлом, под предлогом того, что наша траектория, а следовательно, и мы сами, могли быть иными, то мы превратились бы в абстрактную возможность, ибо без нашего прошлого мы не можем быть тем, кем сейчас являемся. Но сама возможность абстрагироваться от нашего прошлого означает, что мы также не можем полностью отождествить себя с ним, ибо, наше существование в настоящем всегда устремлено в будущее, в котором мы преодолеваем свою ограниченность, налагаемую на нас прошлым. Если бы мы полностью замкнулись в том образе, который отпечатался в нас грузом прошлого, то, тем самым, мы подчинили бы ему свое будущее и невольно превратились бы в его заложника. И наоборот, каким бы славным ни было наше прошлое, мы должны думать о том, как подтвердить его в будущем, в том чаянии признания, о котором мы мечтаем в настоящем. Думая о своем прошлом, мы находим определенное удовольствие в том признании, которое мы уже снискали себе; мы признаем свои заслуги как достижения уже реализованные нами. Следовательно, признание - это «печать», поставленная на нашу личность, которая приобретает определенную идентичность и социальную значимость, но идентичность и значимость, открытые для трансформации и переоценки в будущем.

Уже с первого дня своего рождения человек вступает в сложную сеть межличностных отношений, а стало быть, в общественный мир, в котором он

должен обрести себе признание. В этом смысле, личность человек не существует до общества, и человеческое в человеке есть продукт межчеловеческих отношений. Стало быть, человеческая реальность может быть только общественной реальностью. Необходимость сосуществования с другими предполагает достижение признания, которое можно рассматривать как компенсацию онтологической несамодостаточности человека. Как животные мы являемся существами деспециализированными, незавершенными, лишенными инстинктов в качестве средств надежной адаптации к окружающему нас миру, и именно поэтому мы вынуждены преодолевать нашу биологическую недостаточность за счет присвоения культурного наследия, выработанного нашими предшественниками. Ребенок нуждается в других и имеет предрасположенность к установлению контактов с ними. Биологическая зависимость новорожденного, его потребность в пище и уходе не отменяют необходимости быть ободренным: ребенок смотрит в лицо своей матери, прежде чем начать сосать её грудь, и в ответ на внимание и ласку отвечает улыбкой, которая появляется на шестую неделю после его рождения и которую можно с полным правом рассматривать в качестве первого бессознательного выражения его благодарности за полученное им признание. Этот зародыш признания служит основой чувства идентичности, на фундаменте которого позже возникает самосознание личности. По словам Бахтина, ребенок конструирует свою личность на основе заёма, который взрослые-воспитатели ссужают ему, и на базе этого кредита он постепенно возводит «стены» собственной личности.

Внимание, нежность и ласка, которыми родители окружают своего ребенка, выражают явное намерение проявлять о нем заботу, демонстрировать радость по поводу его присутствия и стимулировать его усилия по овладению навыками, необходимыми для его последующего

развития. Когда внимание, которым родители окружают своего ребенка, признается последним, то он постепенно начинает вырабатывать в себе чувство собственной значимости, сознавать, что выступает субъектом признания со стороны тех, кто является для него самым важным и дорогим в мире. Именно это внимание и забота пробуждают в малыше ответное аффективное чувство по отношению к своим родителям. Но у ребенка пока еще отсутствуют собственные нормы и суждения: доверяя взрослым, он должен принять и присвоить их нормы и критерии оценки. Он склонен воспринимать себя так, как оценивают его взрослые, когда его поведение соответствует или не соответствует их предписаниям. Постепенно он приобретает склонность выполнять нормы и запреты, вменяемые ему в обязанность, ибо видит, что они предписываются ему теми, кому он доверяет. Эта способность к подражанию в начале развивается на базе его аффективного отношения к взрослым и является истоком проявления ответного признания. Ребенок не может анализировать свои чувства, не выходя за пределы самого себя. Он одобряет или не одобряет свои действия потому, что пытается встать на место своих родителей, рассматривая свои поступки через призму их видения себя. Отношение к самому себе, а, стало быть, и самосознание не может возникнуть в качестве чего-то непосредственного; ребенок вырабатывает отношение к себе, только установив отношение к другому и только усвоив его суждения и оценки по отношению к себе. Именно в процессе интериоризации суждений и оценок других и конструируется собственное «я» ребенка. Выработка и усвоение отношения к себе происходит обычно в процессе детских игр, в которых ребенок начинает овладевать различными ролями.

Диверсификация и специализация межличностных контактов означают, что ребенок начинает требовать признания

своей личности не только в семье, но в более широких жизненных сферах; он жаждет утверждения своих наклонностей к признанию не только среди своих родителей, но и среди своих сверстников. Желание быть признанным – это начало общественной инициативы, проявляющейся в слове и в действии. Посредством речи и поступков мы включаемся в общественные отношения, и это вхождение означает как бы наше второе рождение, которым мы осознанно подтверждаем свое присутствие в этом мире. С точки зрения Ханны Арендт, тот факт, что «человек способен к действию означает, что от него можно ожидать самое неожиданное, и что он способен осуществлять самое невероятное. И это возможно потому, что каждый человек по своему уникален, а следовательно, с каждым рождением что-то специфически-новое входит в этот мир. По отношению к нему –единственному-можно сказать, что до его появления здесь никого не было» (Arendt H. *La condición humana*. Barcelona, 1993. P. 202.). Иными словами, каждый человек значим по своему, и все его действия, манеры, привычки, жесты, взгляды и притязания находятся в соответствии с этим его значением. Во всех формах его поведения так или иначе проявляется определенная доминанта, которая связывает разнообразные черты его личности в определенное единство, придавая его личности свойственное только ему одному значение. Тем не менее, никто не обладает раз и навсегда зафиксированным значением по той простой причине, что последнее зависит от заслуг, которые каждый из нас должен подтверждать в своих будущих действиях, и от признания, которого мы стремимся добиться от других.

С точки зрения Канта, каждый человек рождается как бы дважды: первый раз это происходит тогда, когда родители «забрасывают его в существование»; а потому не случайно, что новорожденный заявляет о своем прибытии в этот мир криком и плачем, которые не без основания интерпретируются как

выражение его «недовольства» и «негодования». Правда, родители делают все возможное для того, чтобы обеспечить примирение ребенка со своим онтологическим статусом, характеризуемым беспомощностью и тотальной зависимостью от чужой воли. И не существует другого способа преодоления этого «экзистенциального недостатка» как пробуждения и развития в ребенке способности к самодетерминации, направленной на ослабление его зависимости от других. Именно в этом и состоит *призвание разума*, благодаря которому человек оказывается способным компенсировать «скандал» начала своей жизни: факт того, что ему было насильственно навязано его собственное существование как личности, переносим при условии, если в дальнейшем он сам может положить себе начало как существо автономное и суверенное, исходя из сознания собственной свободы. Поэтому, считает Кант, способность жить, руководствуясь собственным разумом, равнозначно второму рождению человека. В отличие от бытия ребенка, неспособного положить начало своему существованию и зависимого от чужой воли, бытие зрелого человека – это самостановление посредством собственного разума как существа автономного, инициативного и в определенной мере самодостаточного.

Исходя из идеи Канта, и вслед за Цветаном Тодоровым, мы можем выделить две основополагающие формы признания: *признание существования* и *признания утверждения*. Человек ощущает дефицит признания своего существования тогда, когда ему кажется, что он всеми забыт, игнорируем или отвергнут, когда он жалуется на то, что никто не хочет принимать его в расчет, как будто он и вообще не существует на этом свете. Безразличие других переживается человеком как проявление собственной никчемности, а это, в свою очередь, порождает в нем горечь одиночества. То, чего он хотел бы избежать, часто сводится к тому, чтобы

его не игнорировали и не рассматривали как неодушевленную вещь, а приняли бы во внимание как личность, существование которой, несмотря ни на что, заслуживает какого-то признания. При этом он отнюдь не стремится быть обожаемыми или любимыми, а просто хочет быть принятым в расчет в силу самого факта своего существования. Он не может оставаться равнодушными перед дефицитом признания собственной личности, и это побуждает его замыкаться в своем внутреннем мире и страдать от одиночества. Не получать никакого внимания от своих близких означает для него наказание более горькое, чем боль от сознания предстоящего небытия. Даже самые несчастные из несчастных не могут вынести этого дефицита признания, сетуя порой не столько на свой жалкий удел, уготованной им злой судьбой, сколько на нестерпимую горечь всеобщего равнодушия. Даже последний нищий, пишет Мигель де Унамуно, хотел бы разделить свои тяготы и страдания с другими, бессознательно стремясь сделать свое несчастное существование признанным. «Есть нечто большее, чем простоя уловка с целью заслужить подаяние, к которой прибегают эти нищие, сидящие по обочинам дорог и выставяющие на обозрение прохожих свои язвы и гангренозные культы. Подаяние для них - это, в первую очередь, сочувствие, а не материальное вспомосуществование для перенесения жизненных невзгод. Нищий не столько благодарит за милостыню, которую ему подают, отвернув лицо, чтобы не видеть его язв и поскорей пройти мимо, сколько благодарит за выражаемое ему сочувствие, пусть даже при этом ему и ничего не подают, хотя, разумеется, он предпочел бы получить и какую-то материальную поддержку. Посмотрите, с каким удовольствием он повествует о своих несчастиях тому, кто с вниманием готов его выслушать» (Unamuno M. *Del sentimiento trágico de la vida*. Barcelona, 1999. P. 138.).

Признание утверждения, которое

базируется на признании существования, выражает озабоченность, связанную с поисками и обретением человеком своей значимости. Эта озабоченность, в сущности, является универсальной, тогда как пути и формы её осуществления варьируют в зависимости от принадлежности человека к определенной культуре или исторической эпохе. Заронив в нас жизненное напряжение, стремление к самопреодолению с целью реализации наших целей, планов и проектов, признание утверждения как бы напоминает нам, что классовые барьеры, хотя и существуют, являются подвижными; иерархия ценностей может быть преодолена, а дистанция между высшими и низшими сведена к минимуму.

Наши усилия, направленные на возвышение наших достижений, делают возможным и саму справедливость, сущность которой резюмируется в формуле -- «воздай каждому свое», то бишь, по заслуг. Но как определить, что заслуживает каждый? Очевидно, что он заслуживает того, чего он достиг благодаря своей работе, таланту и прилежанию. Быть справедливым -- значит признавать право каждого употреблять свои усилия и развивать свои таланты, с целью владеть благами и наслаждаться заслугами, согласно своим способностям.

Ценность, которую, по нашему мнению, заслуживает наша личность, и признание, которым нас наделяют другие, образуют диалектическое единство: то, кем мы являемся, мы являемся благодаря своим заслугам, признанным другими. Признание значимости собственного существования является экзистенциальной предпосылкой сосуществования с другими или, говоря в терминах Цветана Тодорова, «кислородом общественного бытия». Можно предположить, что просительный взгляд ребенка, ищущего одобрения в ответном взгляде своей матери, - это отнюдь не преходящий феномен, присущий определенному

возрасту, а эмбрион потребности в признании, к которому так или иначе, сознательно или неосознанно, стремится каждый из нас с целью обретения собственной значимости. Как бы ни был человек уверен в своих предшествующих достижениях и успехах, его преследует озабоченность, связанная с желанием подтвердить или увеличить свои заслуги, для чего он, собственно, и ищет признания у своих сородичей и сограждан. Оценка значимого другого утверждает нас в собственной идентичности. Если мы внимательно приглядимся к окружающим нас людям, то вскоре заметим просительный оттенок во взгляде того, кто закончил какое-нибудь дело, завершил какое-либо произведение или просто значительно продвинулся в своей работе: и что?, и как?, не правда ли хорошо?, как бы говорит нам его вопрошающий взгляд. «Это слабость не знает исключений, -- иронически констатирует Эмиль Чьоран, -- и если бог не был ей подвержен, то только потому, что, завершив свое творение, ему не от кого было, из-за отсутствия зевак, ожидать похвал. Однако и он в конце каждого трудового дня предавался самовосхвалению» (Cioran E. M. *La caída en el tiempo*. Barcelona, 1988. P. 81.).

Будучи участниками какой-нибудь беседы, мы не можем не заметить, что нашим собеседникам нравится делиться собственными планами и достижениями или просто повествовать о своих текущих делах. Кажется, что только эти темы им никогда не наскучивают. Если же происходит что-то важное в их жизни, то они тут же спешат поделиться своей радостью со своими близкими и друзьями, полагая (иногда это предположение совершенно ошибочно), что и последние также получат какое-то удовлетворение, если разделят с ними радость, связанную с их достижениями. Пока в человеке теплится желание, он будет, пусть и неявно, искать себе признания. Мы изо всех сил порой домогаемся себе славы как высшей формы общественного признания, и ее

жажда часто вытесняет из наших душ все другие желания. Чем большую значимость она приобретает над нами, тем сильнее влечет нас к себе; мы постоянно ощущаем в ней нужду, а когда не можем её достичь, то притворяемся равнодушными, на подобие лисицы из известной басни Крылова, которая, как известно, «смирилась» с неудачной попыткой отведать винограда тем, что объявила его... незрелым.

Значение слова «признание» не сводится только к поиску и обретению человеком собственной значимости, легитимизируемой благоприятным о себе мнением других, но и включает в себя печальное и даже суровое обязательство называть вещи своими именами. В самом деле, в своих желаниях, планах и мечтах мы нередко склонны опережать настоящее, забегать вперед, строить воздушные замки или создавать амбициозные проекты, которые аккредитируют наши иллюзии и дискредитируют реалии нашего бытия. Когда наши ожидания не подтверждаются, когда действительность отнимает у нас возможность тешить себя сладкими мечтами, то мы вынуждены, как бы это ни было для нас горько, признать реальность. Именно тогда мы говорим, что вместо того, чтобы предаваться беспочвенным упованиям в чудесные проекты или тешить себя несбыточными иллюзиями, лучше понять и признать истину, ориентирующую нас на реальность и только на реальность, какой бы суровой на первый взгляд она нам ни казалась. Кто предается возвышенным и приятным мечтам, игнорируя действительность, тот под напором «упрямых» фактов рано или поздно вынужден принять реальное положение дел, и, пусть и нехотя, допустить, что настоящая мера ценности, отраженная в зеркале общественного признания, не соответствует его преувеличенному представлению о себе. Даже старый Дон Кихот в финале своих «героических приключений» приходит к горестному выводу о том, что его рыцарские похождения - это

приключения безумца, и признав этот печальный для себя факт, он уже больше не пытается поставить под сомнение реальный мир, которому, в конце концов, вынужден смиренно подчиниться.

Признать реальность – значит быть открытым истине о собственной значимости, которая нередко скрывается за маской искаженных или преувеличенных иллюзий насчет действительной ценности нашей личности. Другими словами, «признание реальности» – это критическая переоценка фиктивных ценностей, которая, хотя и не приносит никаких лавров своему носителю, зато предохраняет его от самообмана. Подобно сомнению в руках скептика, признание реальности предостерегает нас от несбыточных надежд и легитимирует суровые реалии жизни: будучи скупым на обещания, оно, тем не менее, имеет твердую опору в действительности. Его девиз – «лучше синица в руке, чем журавль в небе». Человек верящий в то, что признание – это легкое достижение, рискует стать легкой добычей самообмана, особенно тогда, когда время – этот беспощадный судья – переоценивает его заслуги и истончает его былую славу. В конце концов, признание – это общественная оценка заслуг его носителя, и если последние являются сомнительными, то нет никакого основания ободрять или поощрять дутые достижения лопнувшего как мыльный пузырь «авторитета». Реальное признание достижений должно возобладать над иллюзорными оценками того, кому они ошибочно приписываются или того, кто неосновательно уверен в их обладании. Если реальность является высшим источником ценности, то стало быть, мы не можем и не должны ею пренебрегать. Поскольку адекватное отношение к реальности предполагает её знание и умение отвечать на её вызовы, то мы вправе распространить это требование и на признание реальной значимости других лиц. Преуменьшать или замалчивать реальные заслуги наших близких и дальних – это значит

покушаться на тот фундамент, над которым возвышается и наше собственное притязание на признание. Когда мы запальчиво заявляем, что другой не заслуживает нашего уважения, не удосужившись привести в пользу такого скоропалительного суждения никаких веских аргументов, то мы рискуем оказаться в ситуации злопыхателя или низкого завистника.

Признание реальности, нередко разрушает наше прекрасное упование на значимость наших достижений, предлагая в замен объективную картину без всяких прикрас. Но победа разума над необоснованными притязаниями нередко стоит больших усилий и требует от нас довольно продолжительного времени, чтобы наши чувства смогли «переварить» истину и как-то примирить нас ней. Признание реальности можно сравнить с небольшим по размеру, но добротным зданием, окруженным руинами необоснованных притязаний, обломками разного рода ложных упований или «временками» несбывшихся надежд, зданием, в котором человек ощущает свою значимость и чувствует себя подстрахованным от тревог и опасений, связанных с неуверенностью в реальной ценности собственного существования. Объем разрушенных иллюзий, как следствие объективного признания наших достижений, иногда намного превышает действительную ценность наших заслуг. Выработка критического отношения к собственным достижениям сопровождается отрезвлением ума, открытием все новых свидетельств неподатливости общественного признания в историческом горизонте, свидетельств, которые мы хотели бы склонить уже здесь и сейчас в свою пользу. И тем не менее, законы нашего сердца, как говорил Паскаль, имеют свои «аргументы», которые, увы, не всегда совпадают с доводами нашего разума. Невозможно признать чье-либо достоинство рациональным путем и в то же время утверждать, что оно является иллюзорным, но вполне возможно верить

во что-то или любить кого-то и, одновременно, обоснованно подозревать, что объект нашей веры в действительности совсем не похож на наша веру, а наш возлюбленный на деле недостоен нашей любви.

Если признание предполагает легитимацию личных достижений или социальных атрибутов его носителя, то презрение, напротив, тяготеет к тому, чтобы развенчать его низкие качества или высокий социальный статус, неоправданно занимаемый им в обществе. Презрение морально оправдано тогда, когда оно направлено на то, чтобы вызвать стыд в сознании индивида, неспособного поддержать собственное достоинство и опускающего до неоправданного унижения, равно как оно оправдано и тогда, когда речь идет о презрении к бессовестной наглости сильного, попирающего волю слабого. Но существует другой тип презрения, который не может быть морально оправданным. Этот последний проявляется, например, в пренебрежении высшего лица по отношению к низшему и выражается в хвастливой демонстрации своего высокого статуса, богатства и достижений. Речь идет о заносчивости и высокомерии человека, имеющего о себе высокое мнение в силу своей принадлежности к привилегированной социальной категории и неспособного выразить формальное уважение или, хотя бы снисхождение по отношению к нижестоящим людям. Этот тип презрения направлен на поддержание социальной иерархии, статуса и самоуважения путем унижения других. Презрение, которое демонстрирует сильный мира сего к нижестоящим, призван «убедить» и утвердить последних в их же мнении в том, что они — нижестоящие. С другой стороны, это презрение приносит удовлетворение от сознания собственного превосходства тому, от кого оно исходит. Таково, например, презрение помещика к крестьянам, барина к слугам, аристократа к простолюдину, сеньора к вассалу, капиталиста к рабочему. С точки зрения

вышестоящих эти нижестоящие — слуги, лакеи, рабы, трудящиеся — не заслуживают других чувств. Они, конечно, принимаются к сведению, сам факт их существования признается, но только для того, чтобы больше не фиксировать на них внимания, т. е., фактически им отказывают в признании утверждения, в во всяком случае в утверждении в социально-значимых сферах или делах, которые резервируются исключительно для привилегированных классов или сословий. Конечно, вышестоящие могут обращаться с нижестоящими с известной учтивостью, и даже испытывать к ним чувство привязанности (какое, например, питает Гринев к своему старому и верному дядьке Савельичу из *Капитанской дочки* Пушкина), что отнюдь не исключает с точки зрения вышестоящих, что нижестоящие должны «знать» свое место и не высовываться там и тогда, где и когда речь идет о серьезных вопросах. Это презрение путем демонстрации равнодушия отнюдь не исчезает в демократическом обществе, а сохраняется в некоторых его специфических контекстах, особенно там, где речь идет о взаимодействии лиц, принадлежащих к различным иерархическим стратам. В конкуренции за продвижение по статусной лестнице презрение играет значительную роль в поддержании уже обретенного положения или в демонстрации недавно достигнутого успеха, или, наконец, в выражении сомнения в правомерности и обоснованности его достижения конкурентами. Связь между статусом и презрением является настолько тесной, что нередко можно встретить лиц, которые, будучи неспособными интерпретировать тонкие знаки их выражения, источают презрение направо и налево только потому, что считают, будто простая демонстрация последнего способна убедить других в их принадлежности к сонму избранных. Как бы там ни было, а презрение — это эмоциональный комплекс, артикулирующий и обеспечивающий

поддержание иерархии, статуса, позиции и тесно связанных с ними выражением почтительности и уважения.

Презрение, направленное «сверху вниз», дополняется презрением, идущим «снизу вверх», и выражающимся в том, что представители низших слоев замечают, что вышестоящие лица не обладают качествами, которые требуют от них соответствующий статус, и которые они нередко стремятся спрятать под маской самонадеянности или надменности. Несмотря на то, что презрение «снизу вверх» открывает нижестоящим возможность осознать свое превосходство над вышестоящим в определенном аспекте, тем не менее они не могут не понимать, что в глазах большинства они занимают низшую позицию, а следовательно, уже в силу этого обречены на презрение, тогда как вышестоящие, в силу своей принадлежности к верхней позиции, могут позволить себе роскошь думать, что нижестоящие им завидуют, втайне восхищаясь их высоким статусом. Если презрение, направленное сверху вниз, имеет «опору» в социальной иерархии, и выражается в реальном богатстве, власти, успехе, то презрение, идущее снизу вверх, имеет слабую социальную и психологическую базу и носит, как правило, реактивный характер. И тем не менее этот тип презрения дает определенную компенсацию носителям низших статусов, которая выражается не в заносчивости, а насмешке.

Согласно американскому литературоведу Уильяму Яну Миллеру, существуют два отличные друг от друга типа выражения презрения нижестоящих к вышестоящим. Первый выражается в том, что нижестоящие в принципе разделяют и принимают ценности, которые «исповедают» вышестоящие; они лишь чувствуют себя задетыми неспособностью или бессовестностью последних, что не позволяет им выразить свое адекватное отношение к носителям власти или богатства в форме уважения или почтения. Второй тип презрения является намного более радикальным и

состоит в том, что нижестоящие не разделяют ценностей вышестоящих, а считают сами эти ценности глупыми, дурацкими и подлежащим осмеянию. Презрение к неспособности или бездарности высших чинов обычно выражается в юморе, сатире, в сардоническом смехе, т. е., в установках, которые не ставят под сомнение устойчивость общественной иерархии, а подвергают критике конкретных их носителей. Юмор и смех объединяют нижестоящих в их презрении к лицемерным, неумелым, некомпетентным и чванливым господам, принижая и развенчивая их социальную и моральную значимость, низводя их до уровня простого объекта насмешки.

Презрение к ценностям, добродетелям и нормам вышестоящих страт выражается в стратегии, которая стремится представить их не как неуклюжих или неспособных, а скорее как клоунов или дураков. «В этом контексте, — пишет Миллер, — ценности и добродетели власть предержащих не имеют смысла, единственно, что принимается в расчет — это их власть. Насмешка, холод, ядовитая улыбка, издевка направлены на отрицание всех форм почтительности, которые им предписываются» (Miller W. I. Anatomía del asco. Madrid, 1998. P. 310.). Презрение, выражаемое в юморе и сатире, трансформируется в иронию, которая беспощадно осмеивает, разит наповал и обесценивает потуги объекта на собственную значимость. Если юмор, в сущности, имеет намерение исцелить, и даже иногда включает в себя долю симпатии к субъекту, подвергаемому осмеянию, то ирония язвит и ранит; если юмор милосерден и даже великодушен, то ирония не знает жалости, её цель — унижить и низвести другого до полного морального и социального нуля. Когда презрение напитывается ядом, то оно превращается в злобное желание любой ценой причинять ущерб своему контрагенту, обрекая его на страдание.

Продолжение - в следующем выпуске »